

ОТКРЫТЫЙ ЛЕКТОРИЙ

О ПЛАЧЕ И ПЛАЧЕЯХ

«Новое знание — из первых рук»: каждая встреча программы «Эпоха просвещения» в БДТ сулит слушателям открытия, изменяет устоявшиеся представления о, казалось бы, понятных вещах.

Лекция Светланы Адоньевой «Горе, Горький и женская речь: русские воплиницы» была выстроена как два переплетающихся сюжета. Один шел от литературно-романтических мифов, сложившихся в последней трети XIX века. М. Горький, услышав на Всероссийской промышленной и художественной выставке, проходившей в Новгороде в 1896 году, Ирину Андреевну Федосову, воспринял плачи как «народную поэзию», передающую горести и боль русской женщины. Нечто близкое мы видим в стихах Некрасова, причем некоторые сюжеты поэт позаимствовал из трехтомного издания «Причитаний Северного края», записанных также от Федосовой. Неудивительно, что впоследствии плачи стали определять как поэтический жанр, разделяя его — по содержанию — на плачи по умершему («надгробные» и «надмогильные»), рекрутские, свадебные...

Лишь в конце XX века исследователи обратили внимание на то, что плачи не просто «воплят», то есть звучат с особой экспрессией, но и интонируются. Однако устоявшееся определение продолжало кочевать из учебника в учебник.

Второй сюжет встречи составляли личные впечатления Светланы Адоньевой, впервые услышавшей, как в реальности звучит плач, в студенческой экспедиции.

В мелодическом отношении — и это подтверждали иллюстрировавшие рассказ записи — не существует единой плачевой интонации: в разных местах она своя. В одних

Светлана Адоньева

случаях это спуск от ярких предельно высоких нот в глуховатый грудной регистр, с переходом почти на говор, в других — мягкое как бы круговое нетемперированное скольжение с вариантностью ступеней, более близкое эпическим напевам. Но при этом все причитания, будь то оплакивание умершего, проводы сына в солдаты или свадебные голошения, в одной местности основываются на одной и той же мелодической формуле.

Причитание — это не текст и не жанр, утверждает Светлана Адоньева. Это особая мелодическая и речевая интонация, это *способ* говорить об очень сильном переживании. Это часть обряда, в котором преодолевается некий рубеж: жизнь после него уже не может идти по-прежнему. И, как часть обряда, причитание подразумевает владение неким навыком, техникой, позволяющей достигнуть необходимого экзотического эффекта. То есть это нечто большее, чем просто переживание или рассказ о нем. Право причетного голоса заслуживается отнюдь не поэтическим дарованием, не хорошими вокальными данными, а особым опытом, обретая который человек может смотреть в сторону смерти и говорить о этом другим.

Евгения ХАЗДАН